

Ю р и й Г у г у м а к

НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ
ЭКСПЕДИЦИИ НА «СЕНЯВИНЕ»

ЛОВЕЦ ОСТРОВОВ

Острова, все как один, похожие на кокос.
Открывавшие их мореплаватели на одних — оставляли коз,
на других — собак, или — кур.

На худой конец — собственные имена.
История, приключившаяся с капитаном Литке,
оказалась, увы, полна
для него печали лишь много позже того,
когда и ему как гостю
было предложено выменять имя на имя, завязав дружбу
с одним из новых его приятелей: местные —
надо ли говорить? — не могли изъявлять печаль иначе,
как уязвив себя рыбьей костью.

Не Литке, а этот последний, понятно,
и стал потом адмиралом.

И вице-председателем

Русского Географического общества. Что до Литке,
то два хвостовых пера парящего фазтона,
воткнутых в пук поседевших волос, собранных на затылке,
стариковское дряблое тело в наколотых рыбах,
натертое смесью кокоса и желтого имбиря,
имели ту еще выгоду, что давали ему не забыть
подробную карту архипелага, его моря,
что здесь он дома.

Всего же страннее то,
что Литке пополнил собой словарь обиходных слов,
заменявших когда-то другие. Например — «ловец островов».
Он привык к новой жизни,
как нога к ходьбе по острым кораллам.

ОБРЕТЕНИЕ ОСТРОВНОЙ КАРТОГРАФИИ

Томительное однообразие коралловых островов
(а с другой
стороны — несовершенство счисления)
оборачивается дорогой
ценой: либо остров случается жертвою многократных
его открытий, либо — наоборот —
уже из этой предосторожности
его попросту не берут в расчет.
В итоге — понятно, что творится на прежних картах.

Татуировки островитян,
на них помещается вся туземная картография,
тоже устаревают. Кожа, похожая на сафьян,
становясь шершавой, как у геккона,
морщинится, как бумага.
Рисовальщик экспедиции на «Сенявине», Постельс,
сделав портрет туземца, получает не карту архипелага,
а топографическое изображение процесса старения.
Можно сказать, что тело
действует вообще на карту,
как в позднейшие годы — память,
анаморфирующим образом. Но это еще полдела.
Самого туземца ничуть не смущает
ни подобное искажение направлений, ни расстояний,
ни, как видно, количество бывших его подруг —
каждый остров изображается в виде рыбки:
островная дуга Улей, острова Намуррек, Ифалук
(и так далее) ...остров Руг.

вечных влюбленных — неисцелимых:
человеческий прах похож на голый коралловый грунт.

Люди, также, эпицентричны.

Островитянин, единожды приобретший
зримый облик иммунной системы обитателя побережий,
выглядит, как чужой:
постепенно кожа его покрывается чешуей,
которая беспрестанно лупится.
Остающиеся при этом формы весьма напоминают коралл.

И его-то носишь
на себе, как еще одно украшение. *Ichthyosis(?)*, —
сомневается доктор Мертенс, наблюдая за тем, как остров
выигрывает со стороны моря то, что теряет с береговой —
татуаж, благовонное зернышко в ухе, цветок в волосах...
Это — жизнь в голубой лагуне.

Ибо уже в каких-нибудь полустах,
меньше кабельтова, от опушки мангровых,
растущих в воде, кустарниковых поростов —
почти орбита планеты: пояс коралловых мелей
образует, собственно, риф,
о который ударяет молочно-белый,
пенящийся прибой.